

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

КРАСНАЯ ИЛИ СИНЯЯ
ТАБЛЕТКА

Сергей Патрушев

Красная или Синяя Таблетка

«Автор»

2026

Патрушев С.

Красная или Синяя Таблетка / С. Патрушев — «Автор», 2026

Лина — младший аналитик, застрявшая между ипотекой и выгоранием. Судьба подкидывает ей выбор без выбора: древний джинн предлагает две волшебные таблетки. Синяя гарантирует абсолютную любовь до гроба, но стирает свободу воли. Красная дарует бесконечное богатство, но выжигает способность чувствовать радость. Отказавшись от обеих гарантий, Лина выбирает «третью грань» — несовершенную реальность, где крышу приходится чинить своими руками, а любовь требует ежедневного труда. Это история о цене взросления, экономике быта и том, как собрать свою жизнь по кусочкам, когда магия закончилась, а счета остались.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Гла	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Патрушев

Красная или Синяя Таблетка

Глава 1

Запах на чердаке бабушкиной дачи был густым, осязаемым. Он состоял из сушеной полыни, которой пересыпали старые шерстяные платки, запаха сухой древесной трухи, вековой пыли и того особого оттенка забвения, который бывает только в местах, куда десятилетиями не заглядывает солнечный свет. Июльская жара снаружи плавил асфальт на проселочной дороге, но здесь, под скатом шиферной крыши, царил прохладный сумрак, разрезаемый лишь лезвием света из низкого слухового окна.

Лина чихнула так оглушительно, что с потолочной балки сорвался клочок серой паутины и медленно поплыл вниз, планируя прямо ей на плечо. Она раздраженно смахнула его рукой в старой садовой перчатке. Ей было двадцать восемь, она работала младшим аналитиком в логистической компании, носила скучные офисные костюмы пять дней в неделю и искренне верила, что лучший отдых — это смена деятельности. Поэтому вместо того, чтобы лежать у реки, как все нормальные люди, она приехала сюда разбирать хлам перед продажей дома.

Бабушка умерла полгода назад тихо и буднично, во сне, оставив после себя дом, полный вещей, которые никто не знал, куда девать. Родители Лины уже вывезли сервизы, старую стиральную машину «Вятка-автомат» и два мешка советских журналов «Здоровье». Осталось самое безнадежное: коробки с фотографиями незнакомых усадебных мужчин, стопки пожелтевших газет и этот огромный дубовый сундук, окованный медью, который стоял в самом дальнем углу за старыми лыжами «Карелия».

Сундук весил, казалось, тонну. Лина уперлась ногами в пыльный половиц, крикнула и потянула на себя ржавое кольцо. Внутри пахнуло лавандой и чем-то металлическим. Сундук был набит до отказа. Сверху лежал ломкий шелковый отрез цвета увядшей розы, под ним — жестяная коробка из-под монпансье, а глубже... Лина запустила руки по локоть в мягкую ткань и наткнулась на что-то твердое, угловатое и неожиданно тяжелое.

Она вытащила находку на свет. Это был высокий медный кувшин, или, скорее, лампа восточного типа. Металл от времени покрылся благородной зеленоватой патиной, местами проблескивало тусклое золото чеканки. Узоры сплетались в причудливые арабески, изображавшие то ли диковинных птиц, то ли просто переплетение колючих ветвей. Горлышко было запечатано свинцовой пробкой, залитой темным, похожим на засохшую смолу, воском.

Лина повертела лампу в руках. В голове тут же пронесся навязчивый мультяшный образ: Аладдин, потерять лампу, вылетит синий дым, появится добродушный толстяк Робин Уильямс и предложит три желания. Идеальная метафора для ее жизни. Три желания, чтобы исправить кредит за машину, уговорить начальника дать повышение и, может быть, наконец встретить кого-то, кто посмотрит на нее без экрана смартфона между ними.

Она улыбнулась своим мыслям. Пора было спускаться вниз, заваривать чай и составлять опись имущества для риелтора. Лампа была красивой, тяжелой и абсолютно бесполезной. Антикварного магазина в их дачном поселке не было, а тащить эту тяжесть в Москву ради сомнительной перепродажи не хотелось. Наверное, стоит сдать ее в металлолом вместе со старым рукомошкой.

Решение пришло мгновенно, легкое и необременительное. Зачем нести? Можно просто спустить его по лестнице, перекидывая из руки в руку. Или...

Лина подошла к открытому люку, ведущему на первый этаж. До пола веранды было метра полтора. Она размахнулась и небрежно бросила медный сосуд вниз, рассчитывая, что он мягко приземлится на старый выцветший ковер.

Кувшин не упал.

Вернее, он рухнул на доски пола с таким звуком, словно ударили в исполинский гонг. Комнату тряхнуло. Воздух загустел, давление резко изменилось, заложило уши, как при посадке самолета. Лампа не покатилась и не звякнула. Она вошла в дерево почти наполовину, выбив фонтан щепы, и осталась стоять вертикально, мелко вибрируя. По кухне пополз сизый, густой дым. Но это был не дым пожара. Он не имел запаха гари. Он пах озоном после грозы, раскаленным песком пустыни и почему-то — горьким шоколадом.

Дым поднимался вверх плотной спиралью, игнорируя законы конвекции. Он закручивался вокруг торчащего из пола медного горлышка, уплотнялся, обретая объем. Лина замерла на верхней ступеньке лестницы, вцепившись побелевшими пальцами в перила. Рациональная часть ее мозга кричала о лопнувшем газовом шланге, об отравлении продуктами горения старого утеплителя, о микроинсульте, наконец. Галлюцинация казалась самым логичным объяснением.

Фигура внутри дыма перестала быть бесформенной. Сначала обозначились широкие плечи, затем длинная линия спины. Дым стягивался, впитывался в очертания тела, как вода в сухую губку. Процесс занял не больше десяти секунд, но Лине они показались вечностью.

Перед ней стоял мужчина.

Он совершенно не походил на мультипликационного джинна. На нем не было золотых шаровар, обнаженного мускулистого торса и тюрбана с огромным рубином. Одет он был в простую, хоть и выглядящую невероятно дорогой льняную рубашку цвета мокрого асфальта, рукава которой были закатаны до локтей. Ткань облегала крепкие предплечья, покрытые странными татуировками — они выглядели не как рисунки, а как живые трещины в камне, заполненные тьмой. Темные брюки свободного кроя уходили в тяжелые ботинки без единого логотипа.

Но главным были глаза.

У него были волосы цвета воронова крыла, слишком длинные для мужчины, собранные в низкий хвост простой кожаной лентой. Лицо с резкими, хищными чертами можно было бы назвать красивым, если бы не абсолютная асимметрия шрамов, пересекавших левую бровь и щеку. Но взгляд... Его радужка была не черной и не карей. Она была цвета тяжелого грозового неба за секунду до удара молнии — свинцовая, клубящаяся, с редкими золотыми искрами глубоко внутри. Этот взгляд обладал физической массой. Он давил на грудную клетку, заставляя легкие сжиматься.

— Человеческая глупость неизменна, — произнес он низким, бархатным голосом, в котором слышался далекий рокот камнепада. Акцент был едва уловимым, гортанным, слова звучали так, словно русский язык причинял ему физическую боль. — Эпоха меняется, смартфоны становятся умнее своих владельцев, а способ призыва остается прежним. Удар тупым предметом. Какая изящная эволюция.

Лина сглотнула. Во рту пересохло. — Вы... извините, — голос сел до сиплого шепота. — Я случайно. Думала, там пусто. Хотела посмотреть, сколько меди...

Джинн (если это был он) проигнорировал ее лепет. Он медленно повел головой, разминая шею с отчетливым хрустом суставов. Посмотрел на свои ладони, сжал и разжал пальцы, словно проверяя, работает ли моторика после долгого сна. Затем его тяжелый взгляд снова впился в лицо Лины.

— Меня зовут Зурван, — представился он. — Хотя последние четыреста лет меня чаще называли Хранителем Равновесия. Реже — ошибкой природы. Можешь называть меня просто

«эй, ты», суть от этого не изменится. Где хозяин сосуда? — Умерла, — выдохнула Лина. — Полгода как. Дом продают.

Хранитель кивнул так, будто получил подтверждение давно известного факта. — Мортальность. Самый ненадежный банк данных. Хорошо. Значит, контракт переходит к первому живому потомку крови, вступившему в физический контакт с печатью. Поздравляю. Ты выиграла в лотерею, правила которой изменились еще до постройки твоей пирамиды Хеопса.

Он сделал шаг вперед. Доски пола под его тяжелым ботинком даже не скрипнули. Лина инстинктивно сделала шаг назад, упершись поясницей в перила лестницы. Пути к отступлению не было.

— Давай пропустим стадию отрицания, паники и попыток ущипнуть себя, — продолжил Зурван, останавливаясь в метре от нее. От него исходил жар, словно от прогретого солнцем гранита. — Я не буду исполнять твои желания. Ни первое, ни второе, ни третье. Золотая лихорадка желаний закончилась в конце двадцатого века. Мы перегрузили континуум. Люди хотели айфонов раньше, чем физики придумали полупроводники, вечной молодости, нарушая второй закон термодинамики, и воскрешения мертвых, плюя на энтропию. Система дала сбой. Произошла Великая Декомпрессия семьдесят лет назад по вашему летоисчислению. Магия чуть не схлопнула вашу реальность в точку сингулярности.

Лина слушала, широко раскрыв глаза. Бред был структурированным, логичным и пугающе научным. Айфоны, термодинамика, сингулярность — это звучало убедительнее, чем сказки про волшебную палочку.

— Пришлось провести аудит, — Зурван брезгливо поморщился. — Совет Старших Элементалей постановил: халява отменяется. Никаких больше трех желаний. Никакой магии по щелчку пальцев. Вселенная требует баланса. Если где-то прибыло, значит, где-то убыло. Закон сохранения энергии, кажется, единственное, что ваши ученые поняли правильно.

Он замолчал, давая ей осознать масштаб катастрофы. Лина почувствовала, как разочарование ледяной волной сменяет первобытный ужас. То есть никакого повышения зарплаты? Никаких принцев? Ради чего тогда весь этот дым и спецэффекты?

— И что теперь? — осторожно спросила она. — Вы просто постоите здесь, пожалуйста на жизнь и исчезнете? Мне вызывать экзорциста или полицию?

Уголок рта Хранителя дернулся в подобии усмешки, обнажив край идеально ровного, но слишком острого клыка. — Полиция не умеет работать с нарушениями пространственно-временного континуума, девочка. Их отчеты плохо смотрятся в статистике МВД. Экзорцистам я тоже не по зубам, моя природа ближе к квантовой механике, чем к демонологии. Нет. Раз уж ты выпустила меня из тысячелетнего карантина, прервав процесс глубокой астральной дефрагментации, тебе придется завершить цикл. Я предлагаю выбор.

Из складок его льняной рубашки появилась ладонь. Она была человеческой, если не считать того, что линии судьбы на ней светились бледным серебром, а кожа казалась тверже дуба. На левой ладони лежала таблетка.

Лина моргнула. Ее мозг отказывался обрабатывать объект. Это была не конфета и не лекарство из аптеки. Гладкий, овальный камень размером с фалангу большого пальца. Глубокого, насыщенного синего цвета, как самый дорогой сапфир. Но это был не минерал. Таблетка жила. Внутри нее медленно пульсировала золотистая жилка, похожая на капилляр. От камня исходило слабое тепло, которое Лина ощутила кожей с расстояния в полметра.

— Синяя, — сказал Зурван. Голос его стал тише, интимнее, опаснее. — Эликсир Абсолютной Привязанности. Древняя формула, замешанная на слезах первых богов и гравитации умирающих звезд. Тот, кто примет ее, получит любовь. Не ту подделку, которую вы сейчас называете этим словом — гормональную бурю на пару месяцев, взаимовыгодный симбиоз или привычку. Истинную, математически выверенную константу. Твоя вторая половина существует, Лина. Статистически вероятность вашей встречи ничтожна, меньше одной миллиард-

ной. Синяя таблетка переписывает вероятности. Ваши пути пересекутся завтра. Вас притянет друг к другу с силой сверхновой. Вы будете понимать друг друга без слов, чувствовать боль друг друга на расстоянии, засыпать и просыпаться с ощущением абсолютной, непробиваемой безопасности. Ваша связь будет нерушима. До самой смерти. Которая, кстати, наступит у вас одновременно, в одну и ту же секунду, спустя много десятилетий счастливой жизни.

Лина смотрела на синий камень, не отрываясь. Картинка, нарисованная джинном, была настолько идеальной, что вызывала зубную боль. Любовь без страха потери. Без утренней холодности в постели. Без сомнений «тот ли это человек». Рай, упакованный в один глоток.

— В чем подвох? — прошептала она, хотя ответ читался в его грозových глазах.

— Подвох — это человеческое слово для обозначения цены, — поправил Зурван. — Цена синей таблетки — свобода воли. Твоя личная траектория заканчивается в момент глотка. Больше никаких случайных встреч в кофейнях. Никаких других мужчин, даже мимолетных мыслей о них — твой разум просто заблокирует саму возможность измены. Никакой карьеры, которая потребует переезда на другой континент, если твоя пара останется здесь. Ты станешь идеальным пазлом, Лина. Идеальной половиной яблока. Но целого яблока больше не будет. Будет только эта связка. Шаг вправо, шаг влево — невыносимая фантомная боль в груди. Ты никогда не узнаешь одиночества, но и никогда не останешься наедине с собой. Твое «Я» растворится в этом «Мы». Многие сходят с ума от такой близости. Выгорают, превращаются в бледные тени друг друга. Но счастливые тени, спорить не буду.

Он перевернул ладонь. Камень скатился на кончики его пальцев и завис в воздухе, медленно вращаясь.

— Теперь смотри сюда.

Правая ладонь Хранителя открылась. На ней лежала вторая таблетка.

Она была полной противоположностью первой. Острый, неправильной формы многогранник, похожий на осколок вулканического стекла — обсидиана. Цвет — глубокий багровый, цвет венозной крови, запекшейся на морозе. Камень не пульсировал теплом. Он всасывал свет. Люк над головой вдруг показался тусклым, кухня погрузилась в легкий сумрак, хотя солнце за окном стояло в зените. От красной таблетки веяло сухим, горячим ветром, запахом раскаленной пустыни и власти.

— Красная, — констатировал Зурван. — Ключ от Казначейства Мироздания. Абсолютная ликвидность. Приняв ее, ты получаешь доступ к потоку. Не просто деньги на счету, девочка. Потоки капитала текут туда, куда ты направишь внимание. Любая компания, акции которой ты купишь, утроит стоимость за ночь. Любой стартап выстрелит. Земля, на которую ступит твоя нога, окажется месторождением лития или нефти. Тебе не нужно будет работать. Тебе вообще не нужно будет ничего делать, кроме как желать. Захочешь построить город в Сибири посреди тайги — через год там будут небоскребы. Захочешь купить остров — океан расступится, отдавая сушу. Богатство такого уровня — это чистая физика. Ты станешь центром гравитации для мировой экономики.

Сердце Лины пропустило удар. Кредит. Огромная квартира окнами на Кремль. Возможность вылечить любую болезнь любой суммой. Отправиться в космос туристом. Купить молчание всех своих врагов. О, как сладко звучало это слово — «безгранично».

— А цена? — голос прозвучал хрипло.

— Цена — эмпатия, — спокойно ответил Хранитель. — Способность испытывать радость. Принимая красную таблетку, ты обмениваешь химию своего мозга на холодный расчет. Ты сможешь имитировать эмоции безупречно. Смеяться на похоронах, плакать в кино, целовать детей так, что соседи обзавидуются. Но внутри будет выжженная пустыня. Деньги приносят комфорт, безопасность и возможности, Лина. Но они не умеют любить. Чем больше у тебя будет золота, тем сильнее оно будет требовать защиты. Ты забудешь вкус обычной еды, потому что будешь знать цену трюфелей, но не удовольствие от них. Ты перестанешь спать,

потому что всегда найдется тот, кто хочет твою империю. Паранойя станет твоим единственным верным другом. Ты построишь стены выше небес, но будешь смотреть на мир сквозь бронированное стекло, навсегда оставаясь снаружи. Ты станешь самым богатым человеком на кладбище, но земля на твоей могиле будет промерзлой и чужой.

Зурван сжал обе ладони в кулаки. Камни исчезли, словно втянутые внутрь кожи.

— Вот твой честный выбор, — сказал он, опираясь плечом о косяк двери, ведущей из кухни в комнату. Вся его поза выражала бесконечную, вселенскую усталость. — Эпоха чудес прошла. Я не добрый джинн из лампы. Я бухгалтер катастроф. Я прихожу только тогда, когда чаша весов готова перевесить. Выпуская меня, ты создала локальный дисбаланс. Чтобы закрыть сделку, одна из чаш должна опуститься. Выбирай. Только выбирай быстро, мой лимит пребывания в плотном плане этой эпохи истекает через семнадцать ваших минут, а бюрократия Междумирья не терпит просрочек.

Лина стояла, вжимаясь спиной в деревянные перила. Запах пыли и полыни внезапно стал невыносимо душным. Двадцать восемь лет своей жизни она старалась сидеть на двух стульях сразу. Быть хорошей дочерью, но жить отдельно. Строить карьеру, но не перерабатывать. Искать серьезные отношения, но держать паспорт чистым от штампов. Она привыкла к компромиссам.

И вот перед ней стояли две абсолютные величины. Две идеальные клетки с золотыми прутьями.

Идеальная любовь, в которой нет воздуха. И идеальное богатство, в котором нет тепла.

— А если... — начала она и осеклась.

— Договаривай, — велел Зурван, приоткрывая глаза чуть шире. Золотые искры в его зрачках вспыхнули ярче.

— Если я не хочу выбирать? — выпалила Лина. — Что, если мне нормально живется? Да, ипотека висит. Да, начальник самодур. Да, последний парень ушел к моей бывшей подруге. Но это *моя* ипотека! Мой стресс! Моя разбитая физиономия! Я сама набиваю эти шишки. Разве нельзя просто забрать свою лампу и уйти? Оставить меня в моем несовершенном среднем арифметическом?

Хранитель Равновесия издал звук, очень похожий на человеческий вздох. — Несовершенное среднее арифметическое — это самая дорогая иллюзия во Вселенной, — произнес он тихо. — Ты думаешь, что контролируешь свою жизнь? Ты плывешь по течению статистической погрешности. Синяя и красная таблетки существуют в мире вне зависимости от меня. Они — побочные продукты Большого Взрыва. Рано или поздно, через сто или тысячу лет, они попали бы в руки людей. Я лишь катализатор. Я пришел ускорить процесс. Выбор должен быть сделан осознанно. Отказ от выбора — это тоже выбор. Выбор в пользу энтропии. Медленного гниения. Ты действительно хочешь потратить следующие сорок лет на выплату процентов банку и поиск счастья в приложениях для знакомств?

Его слова били наотмашь, потому что каждое из них было правдой. Той грязной, неудобной правдой, которую Лина прятала от себя по утрам, глядя в зеркало ванной комнаты.

— Время вышло, — напомнил Зурван. Он выпрямился, становясь еще массивнее, заполняя собой тесное пространство старой кухни. — Правая рука или левая? Кровь или слезы? Империя или объятия? Решай.

Он протянул к ней обе руки. Ладони были открыты. Ждущие. Стерильные, как инструменты хирурга перед ампутацией.

Лина посмотрела на правую руку с красным камнем. Представила себе номер счета с двенадцатью нулями. Почувствовала глухую, звенящую пустоту, которая придет следом. Перевела взгляд на левую руку. Представила мужчину, чьи глаза будут видеть ее насквозь. Почувствовала уютную тяжесть золотой цепи на шее, которая никогда не позволит ей убежать.

Воздух в легких закончился.

Мир качнулся. Чердак, запах пыли, уставшее существо из дыма — всё это вдруг показалось единственно реальным, а вся ее прошлая жизнь в офисе с девяти до шести — дешевым сном. Она поняла, что баланс невозможен. Нельзя любить всем сердцем и владеть миром одновременно. Эти материи аннигилируют при соприкосновении. Жизнь — это всегда потеря. Всегда жертва. Вопрос лишь в том, что именно ты положишь на алтарь.

Она открыла рот, чтобы произнести свой приговор. Слово уже жгло горло, готовое сорваться с языка и навсегда разделить ее реальность на «до» и «после».

Глава 2

Слово застряло в горле колючим комом сухой шерсти. Лина судорожно втянула воздух, но легкие наполнились не кислородом, а тяжелой гравитацией момента. Время вокруг загустело, превратившись в темную патоку. Она видела, как медленно оседает пылинка на медном боку лампы, торчащей из пола — та самая пылинка, которая должна была упасть еще час назад. Тиканье старых ходиков на стене, единственного живого звука в этом доме, растянулось в низкий, вибрирующий гул.

Зурван не торопил. Он стоял неподвижно, словно высеченный из базальта идол, и просто ждал. Его глаза цвета грозового неба впитывали ее нерешимость, анализируя микромоторику мышц лица, расширение зрачков и едва заметную дрожь пальцев. Для него эти несколько секунд были лишь кратким всплеском в океане вечности, для нее — точкой бифуркации всей жизни.

— Ты задерживаешь транзакцию мироздания, — его голос прозвучал ровно, без раздражения, констатируя медицинский факт. — Выбирай. Биохимия твоего страха начинает разрушать нейронные связи. Еще тридцать секунд, и ты просто упадешь в обморок от гипервентиляции, так и не сдвинув стрелку весов.

Лина заставила себя разжать побелевшие пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в перила лестницы. Дерево под ладонью оказалось шершавым и реальным. Это помогло. Якорь в физическом мире.

Она сделала шаг вперед. Половые доски чуть слышно скрипнули, принимая ее вес. Один шаг до синей таблетки. Два шага — до красной. Казалось, что расстояние между ними измеряется не метрами, а пропастью мировоззрений.

Хранитель Равновесия медленно, с какой-то хищной грацией распрямил ладони. Движение было лишено театральности фокусника; это был жест лаборанта, демонстрирующего нестабильный изотоп.

На левой ладони лежала синяя таблетка. Теперь, вблизи, она казалась даже больше — почти два сантиметра в длину. Ее форма была абсолютно идеальной каплей, застывшей в момент падения. Но это был не камень. При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что поверхность пульсирует. Не светилась отраженным светом, а именно жила: густая сапфировая смола внутри которой переливалась жидкое золото. Пульсация совпадала с ритмом человеческого сердца, только замедленным в десятки раз. Ба-бум... пауза... ба-бум. От камня исходило физическое тепло. Когда Лина склонилась ниже, она почувствовала, как пощипывает кожу на лице, словно сидишь у камина зимним вечером. Запах тоже изменился. К пыли и старому дереву примешался аромат озона, цветущей магнолии после дождя и чего-то неуловимо телесного, интимного — запах затылка любимого человека, когда он спит, уткнувшись тебе в плечо.

— Эликсир Абсолютной Привязанности, — повторил Зурван, хотя Лина чувствовала, что ей уже не нужны пояснения. Таблетка сама рассказывала о себе каждой своей гранью. — Формула выведена во времена, когда люди еще поклонялись деревьям и боялись собственной тени. В основе — эссенция первородной эмпатии. Тот, кто примет ее, обретет константу. Математика вашей встречи идеальна. Где бы ни находилась твоя половина сейчас — спит ли он в пентхаусе Ньютона или пасет овец в Монголии — в ту секунду, когда синева коснется твоей слюны, квантовая спутанность ваших душ активируется. Вы начнете двигаться навстречу друг другу со скоростью неизбежности.

Он накрыл синий камень большим пальцем, слегка поглаживая его матовую поверхность. Золотая жила внутри камня вспыхнула ярче от прикосновения. — Представь, — продолжил Хранитель тише, почти доверительно. — Тебе больше никогда не придется объяснять свои шутки. Никогда не нужно будет подбирать слова, чтобы попросить о поддержке. Твоя боль

станет его болью мгновенно. Если ты порежешь палец, он почувствует фантомное жжение. Если тебя предадут, его сердце пропустит удар за тысячу километров от тебя. Это абсолютный симбиоз. Идеальная броня против экзистенциального ужаса одиночества. Вы будете смотреть на мир четырьмя глазами, но видеть одну картину. Старость вы встретите, держась за руки, и смерть заберет вас обоих одновременно, потому что Вселенная не допустит существования выжившего, чья душа навсегда останется калеккой. Это дар бессмертной любви, упакованный в один глоток.

Лина слушала, и низ ее живота сводило ледяной судорогой желания. Офисная рутина, пустые свидания в «Тиндере», где мужчины говорили только о своих машинах и кроссфите, холодная постель по утрам — всё это вдруг показалось такой чудовищной, несправедливой ценой за обычную человеческую жизнь. Получить гарантию. Железобетонную, прописанную в уставе Вселенной страховку от душевной боли. Разве не этого ищут все? Разве ради этого пишутся стихи и снимаются фильмы?

— А цена? — выдохнула она, не отрывая взгляда от пульсирующей капли. Ей казалось, что если она посмотрит достаточно долго, то увидит внутри камня лицо того самого мужчины.

— Цена написана здесь же, — Зурван убрал палец. Синий свет на мгновение стал резче, обнажая структуру камня. — Свобода воли — это химера, пока ты одинок. Но попробуй обменять ее на счастье. Приняв эликсир, ты отказываешься от права на ошибку. Твоя траектория схлопывается в прямую линию. Больше никаких «а что, если». Никаких случайных увлечений бариста в кофейне. Никакого карьерного роста, требующего релокации в Сингапур, если твой суженый боится самолетов. Синяя таблетка строит клетку из чистого золота взаимной зависимости. Шаг вправо — паническая атака. Шаг влево — невыносимая сердечная недостаточность. Попытка уйти физически отзовется разрывом аорты. Вы станете друг для друга воздухом. Прекрасным, необходимым, но безвоздушным пространством вне этой связи существовать больше нельзя. Многие сходят с ума от прозрачности. Невозможно скрыть ложь, невозможно сохранить личное пространство, невозможно устать от близости, потому что механизм принудительного обожания перезагружает твою психику каждые сутки. Ты станешь половиной пазла. И однажды поймешь, что собственного рисунка у тебя никогда не было.

Лина моргнула, прогоняя наваждение. Картинка треснула. Идеальная любовь показалась ей идеальным концлагерем с двухместными камерами.

Ее взгляд скользнул выше, к правой руке джинна.

Красная таблетка выглядела как насмешка над ювелирным искусством. Если синий камень был совершенством формы, то красный — воплощением хаоса. Острый, рваный многогранник, похожий на осколок вулканического стекла, который застыл в падении. Цвет — глубокий багровый, уходящий в черноту запекшейся венозной крови. На острых гранях играли тусклые блики, но они не освещали пространство вокруг, а наоборот, вытягивали фотоны из воздуха. Люк над головой потускнел, кухня погрузилась в легкий сумрак, хотя солнце снаружи палило нещадно.

От красного камня веяло сухим жаром пустыни Сахары и запахом раскаленного асфальта. Тепла не было. Напротив, от него тянуло могильным холодом высокогорья, где нет ничего живого.

— Ключ от Казначейства Мироздания, — произнес Зурван, переводя фокус на правую ладонь. — Абсолютная ликвидность. Здесь нет места сантиментам, девочка. Только чистая математика власти. Принявший красную таблетку получает доступ к корневым серверам мировой экономики. Тебе не нужно будет работать. Тебе вообще не нужно будет прилагать усилия. Желание станет физическим законом. Посмотришь на заброшенный завод — через неделю там начнется строительство инновационного кластера, потому что капитал сам найдет туда путь. Подумаешь о покупке острова — завтра утром юристы принесут документы, а тектонические

плиты сами подтолкнут сушу к поверхности. Деньги перестанут быть средством обмена. Они станут продолжением твоих нервных окончаний.

Джинн чуть прищурился, наблюдая за реакцией Лины. Ее дыхание участилось. Глаза расширились, жадно впитывая образ опасного камня. — Представь масштаб, — продолжал он гипнотизировать голосом. — Номер счета, который не могут вместить протоколы безопасности швейцарских банков. Возможность закрыть любой государственный долг одной подписью. Купить молчание всех папарацци мира. Излечить любую болезнь, построив частные клиники с технологиями, которые еще не изобрели. Ты сможешь переписывать историю одним переводом средств. Политики будут драться за право принести тебе кофе. Короли нефтяных держав будут целовать край твоей одежды. Ты станешь центром гравитации, вокруг которого вращается планета потребления.

Лина представила свою квартиру. Маленькую студию на окраине города с окнами на шумную трассу. Затем стены раздвинулись. Вот панорамные окна небоскреба Москва-Сити. Бескрайний океан внизу. Белый песок Мальдив, принадлежащий только ей. Звездолет, стартовый с частного космодрома. Отсутствие страха перед завтрашним днем. Власть. Безопасность такого уровня, когда слово «безопасность» теряет смысл, потому что угроз больше не существует.

— Какова плата за этот терминал? — спросила она хрипло. Во рту пересохло окончательно.

— Плата — биохимия счастья, — спокойно ответил Хранитель. — Мы меняем теплое на холодное. Красная таблетка выжигает центры вознаграждения в мозгу. Дофамин, серотонин, окситоцин — эти глупые гормоны эволюционировали миллионы лет, чтобы заставить обезьяну чувствовать радость от спелого банана или тепла стаи. Таблетка отключает их. Навсегда.

Он взял острый осколок двумя пальцами. Камень не оставил на его сверхплотной коже ни царапины. — Ты получишь всё золото мира, Лина. Но забудешь само значение слова «довольство». Первый миллиард покажется песком. Первая купленная страна — тесной прихожей. Ты будешь строить империи из бетона и стали, но внутри будет расти сосущая, ледяная воронка. Еда потеряет вкус — ты будешь знать цену трюфелей и черной икры, но твои рецепторы атрофируются. Музыка станет просто набором звуковых волн, физика которых давно изучена. Закат над океаном превратится в астрономическое явление — преломление света в атмосфере, не более. Ты сможешь имитировать эмоции безупречно. Смеяться на переговорах, плакать на похоронах врагов, страстно заниматься любовью с красивейшими людьми планеты. Но зеркало всегда будет показывать пустой взгляд. Потому что тот, у кого есть всё, перестает ценить хоть что-то. Радость обладания сменяется ужасом потери. Паранойя станет твоим единственным верным советником. Ты построишь бункеры глубже корней гор, наймешь армии охраны, но каждую ночь будешь просыпаться в холодном поту, понимая, что единственное, чего нельзя купить — это способность просто уснуть счастливым. Богатство такого калибра — это самый дорогой вид проклятия. Вечный голод посреди бесконечного пира.

Зурван замолчал. В кухне повисла тишина, нарушаемая лишь гудением старой проводки и далеким стрекотанием кузнечиков за окном. Две ладони были протянуты к Лине. Правая источала мертвенный холод абсолютной власти. Левая — тревожное, навязчивое тепло абсолютной привязанности.

— Уточняющий вопрос, — внезапно собственный голос показался Лине чужим, тонким и жалким. — Механика действия. Физический контакт обязателен?

— Да, — кивнул джинн. — Слизистая оболочка. Ротовой полости. Таблетки созданы из плоти реальности, они должны раствориться в твоей биологии, чтобы переписать код. Проглотить, разжевать, дать раствориться под языком — неважно. Главное — акт принятия. Добровольный переход границы. Как только ферменты начнут расщеплять матрицу камня, процесс

станет необратимым. Антидота не существует. Даже я не смогу извлечь их из твоей крови, не уничтожив саму сосудистую систему носителя.

— Срок действия? — продолжала допытываться она, цепляясь за остатки аналитического мышления.

— Вечность, — отрезал Зурван. — Или до физической смерти носителя. Что наступит раньше. Хотя красная таблетка весьма эффективно продлевает жизнь, консервируя клетки. Синей это не требуется, ваша общая энергетика будет поддерживать сосуды в тонусе лучше любого кардиолога.

Лина отступила на полшага назад. Воздух снова качнулся. Она закрыла глаза, пытаясь собрать распадающийся разум в кучу. Двадцать восемь лет компромиссов кричали внутри нее. Она привыкла искать середину. Серединную зарплату. Серединные отношения. Серединную правду. Но середины здесь не было. Между этими двумя камнями пролежала Марианская впадина.

Если она выберет синий — она получит душу другого человека взамен своей собственной. Растворение. Потеря эго пугала ее сильнее, чем физическая смерть. Мысль о том, что она никогда больше не сможет захотеть чего-то, что не вписывается в траекторию партнера, вызывала приступ клаустрофобии. Любовь прекрасна, пока она добровольна. Насильственное счастье — это оксюморон.

Если она выберет красный — она получит весь мир, но потеряет саму себя как чувствующее существо. Стать функцией. Станцией распределения ресурсов. Холодным процессором в титановом корпусе. Перспектива владеть всем и не уметь этому радоваться казалась самой изощренной пыткой, которую только могло придумать мироздание. Зачем дворец, если потолок давит? Зачем миллиарды, если хлеб кажется безвкусным?

— А другие варианты? — Лина открыла глаза и посмотрела прямо в свинцовую бездну глаз Хранителя. — Может, зеленая таблетка? За мудрость? Фиолетовая? За талант рисовать картины?

Губы Зурвана дрогнули в подобии улыбки, но веселья в ней не было ни грамма. Только бесконечная усталость библиотекаря, которому в тысячный раз задают один и тот же глупый вопрос. — Палитра закончилась на этих двух цветах много эпох назад, — сказал он. — Любовь и Власть. Всё остальное — производные. Хочешь мудрости? Купи лучших учителей за красные деньги. Хочешь таланта? Спонсируй лаборатории нейроинтерфейсов за те же красные деньги. Хочешь признания? Заставь людей любить тебя рыночными манипуляциями. Красный спектр поглощает всё. Кроме, разве что, той самой привязанности, которую дает синий. Эти две материи антогонистичны. Магнит с одинаковыми полюсами. Они отталкиваются на субатомном уровне. Нельзя построить империю, имея уязвимое место размером с любящее сердце. Нельзя отдать сердце тому, чьи активы постоянно находятся под угрозой рейдерского захвата. Выбор строго бинарный. Плюс или минус. Источник тока или потребитель.

Он начал медленно сводить ладони вместе. Расстояние между синей каплей и красным осколком сокращалось. Воздух между ними пошел рябью, искажая пространство, словно над раскаленным асфальтом. Материи сопротивлялись сближению. — Если ты попытаешься взять обе, — предупредил джинн, не открывая рта, мысль вонзалась прямо в сознание Лины, — произойдет аннигиляция. Положительная и отрицательная частицы. Вспышка чистой энергии. От тебя останется пепельное пятно на полу и неприятный запах озона. Лампа вернется в режим ожидания еще на пару столетий. Так что прекрати торговаться с законами термодинамики.

Лины прошиб холодный пот. Она посмотрела на свои руки. Обычные женские руки с коротко остриженными ногтями, облупившимся лаком на большом пальце и бледной полоской от сорванного офисного кольца. Руки, которые печатают отчеты, режут салат и иногда сжимаются в кулаки от бессилия. Сейчас одна из них должна стать инструментом конца прежней вселенной.

— Я могу подумать? — взмолилась она, делая еще шаг назад. Пятка наткнулась на ступеньку лестницы. Пути к отступлению не было.

— Думай быстрее, — равнодушно отозвался Зурван. — Моя материализация потребляет колоссальный объем тахионной энергии. Каждая лишняя секунда вашего линейного времени обходится мне в миллион жизней звезд в секторе Лебеда. Я терпелив, но мой контракт требует закрытия сделки сегодня.

Лина зажмурилась так сильно, что перед веками поплыли белые пятна. Она попыталась представить себя через десять лет. Вариант первый: уютный дом, смех детей (или собак?), мужчина, подающий ей кофе в постель. Она счастлива. Но она смотрит в окно и понимает, что за последние пять лет не прочитала ни одной книги сложнее кулинарной, потому что мужу нравится смотреть футбол. Она хотела поехать учиться в Италию, но осталась дома, потому что у мужа аллергия на самолетный кондиционер. Она любит его. Господи, как же она его любит — до звона в ушах, до остановки дыхания. Но где в этой огромной любви находится она сама? Есть ли у нее границы, или она теперь просто придаток к его личности?

Вариант второй: стеклянный кабинет на вершине мира. Телефоны последней модели меняются чаще, чем носки. Она решает судьбы рынков легким движением пальца. Перед ней склоняются президенты. Она покупает яхты просто чтобы посмотреть, поместится ли бассейн на палубе. Она пробует самое дорогое вино в мире и чувствует на языке кислый спирт. Она занимается любовью с супермоделью и думает о котировках акций Apple. Она засыпает в золотой постели совершенно, оглушающе, космически одинокая. И эта пустота внутри растет с каждым новым нулем на счету, требуя заполнить себя вещами, которые тоже оказываются пустыми.

Обе картинки пахли смертью. Просто разной температурой трупного окоченения.

— Хорошо, — неожиданно громко сказала Лина. Голос прорезал вязкий воздух кухни. — Допустим. Но ответь мне честно, Хранитель. Без метафор про термодинамику. Этот выбор... он действительно меняет реальность? Или это просто очень качественный наркотик? Галлюциноген с пожизненной абстиненцией в случае отказа?

Зурван замер. Его руки остановились на полпути. Он медленно поднял голову и посмотрел на нее сверху вниз. Впервые за всё время в его непроницаемых глазах мелькнул интерес исследователя. — Интересный вопрос для девочки, работающей в логистике, — пророкотал он. — Ты спрашиваешь о природе бытия. Ответ: да, это меняет реальность. Объективную. Если ты возьмешь красную, мировые биржи перестроятся под твои нужды в течение часа. Если синюю — каузальные линии судеб миллионов людей искривятся, чтобы свести вас вместе. Это не иллюзия в твоей голове. Это перестройка фундамента здания, в котором вы живете. Иллюзией является твоя текущая свобода. Ты думаешь, что выбираешь, но на самом деле тебя ведет слепой поводырь статистики. Я предлагаю заменить слепого поводыря на зрячего тирана. Разница ощутима.

— Тогда почему я? — Лина повысила голос, чувствуя, как истерика подступает к горлу желчью. — Почему кухонный пол, старая лампа и ипотека? Почему не президент США? Не шейх из Саудовской Аравии? Почему судьба триллионов долларов и концепция вселенской любви решается здесь, среди плесени и запаха нафталина?!

Она почти кричала. Слезы злости и страха брызнули из глаз, покатались по щекам, смешиваясь с пылью.

— Потому что великие игроки системы предсказуемы, — тихо ответил Зурван. Его голос действовал как транквилизатор, успокаивая бурю. — Президент попросит мира во всем мире и обрушит экономику. Шейх попросит нефти и развяжет войну. Их запросы глобальны, а значит, деструктивны для локальных узлов. Они думают категориями территорий. А ты... — он сделал паузу, сканируя ее зареванное лицо. — Ты мыслишь категориями дефицита. Твои желания малы и понятны. Безопасность. Признание. Тепло. Именно такие, как ты, являются

лучшими тестовыми образцами. Ваши решения чище. Вы не обременены геополитикой. Ты стоишь перед выбором не как правительница, а как обычный человек, столкнувшийся с невозможным. И то, *как*ты выберешь, важнее того, *что*ты выберешь. Энергия твоего выбора пойдет на смазку шестеренок Великого Баланса. Так что хватит демагогии. Время вышло.

Его ладони сомкнулись почти полностью. Синий и красный камни оказались в нескольких миллиметрах друг от друга. Пространство между ними завизжало на ультразвуке, невидимые цепи натянулись до предела. Еще мгновение, и джинн сожмет кулак, аннулируя предложение. Лина останется стоять на лестнице с пустыми руками, навсегда задаваясь вопросом, не была ли вся ее последующая жизнь лишь неудачной копией того, что могло случиться.

Она резко выдохнула. Страх никуда не делся. Сомнения грызли внутренности. Но стояние на краю колодца стало невыносимым. Нужно было прыгать. Куда угодно, лишь бы прекратить падение в неизвестность своего обычного, серого, ничем не примечательного будущего.

Лина вскинула подбородок. Стерла тыльной стороной ладони слезы. Сделала последний, решительный шаг вперед, выходя из-за спасительной преграды лестничных перил.

Она смотрела на левую руку. Синяя капля манила обещанием конца всех поисков. Затем перевела взгляд на правую. Красный осколок обещал конец всех проблем.

— Я готова, — сказала она. Голос наконец-то перестал дрожать, став твердым и звонким, как стекло. — Открывай ладони. Я хочу рассмотреть их в последний раз. Лицом к лицу.

Зурван удовлетворенно кивнул. Жуткая, нечеловеческая улыбка тронула его губы, разрезая лицо шрамом. Он медленно, демонстративно разжал пальцы, вновь представляя ей оба варианта судьбы на раскрытых ладонях.

Расстояние от ее груди до его рук составляло не более тридцати сантиметров. Протянутая рука. Одно движение. Одно мышечное сокращение.

Мир сузился до размеров двух камней. Сапфировой теплоты и рубинового холода. Судьба человечества сжалась до размера одной человеческой гортани, готовой совершить глотательное движение.

Лина глубоко вдохнула, заполняя легкие запахом полыни, грозы и старого дерева. Она подалась вперед, закрывая глаза, чтобы выбрать направление...

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.